

О ДОНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СЛУЖБѢ. (*)

(Изъ записокъ генераль-лейтенанта И. И. Краснова.)

Во всякой благоустроенной арміи, между разными родами войскъ, должна быть легкая кавалерія, какъ необходимая часть стройнаго цѣлаго. Раздѣленная по корпусамъ и отрядамъ, или составляя особые отряды, конница эта должна служить: для огражденія спокойствія и безопасности арміи, для связи разныхъ ея отдѣленій, для осмотра путей и мѣстности на театрѣ военныхъ дѣйствій, для охраненія сообщений и продовольствія. Въ то же время, легкая кавалерія обязана тревожить непріятеля, уничтожать легкіе его отряды, захватывать у него продовольствіе, громить его обозы, портить и уничтожать пути сообщения. При отступательныхъ движеніяхъ своихъ войскъ задерживать преслѣдующаго непріятеля, дѣлать ему возможныя затрудненія, заслонять движенія своей арміи и доставлять ей спокойное отступление; въ случаѣ же разбитія непріятеля, довершать побѣду, преслѣдуя бѣгущихъ до послѣдней возможности.

Уже болѣе полутора столѣтій въ русскихъ арміяхъ обязанность легкіхъ конныхъ войскъ исправляютъ, по большей части, донскіе казаки. Въ какой степени оправдываютъ они свое назначеніе, давно оцѣнено Государями нашими и мнѣніемъ всего отечества.

Помѣщаемъ ниже изслѣдованіе о томъ, чѣмъ именно казацкіе войска различаются отъ прочей, болѣе на нихъ похожей, конницы, т. е. легкой регулярной кавалеріи и азіятскихъ наѣздниковъ, а затѣмъ рассмотримъ свойства, принадлежащія собственно казачьимъ войскамъ.

Различіе казачьихъ войскъ отъ легкой регулярной кавалеріи и отъ азіятскихъ наѣздниковъ. Регулярная кавалерія, какъ тяжелая, такъ и легкая, состоитъ изъ всадниковъ, слитыхъ въ кавале-

(*) Настоящая статья покойнаго генерала Краснова написана въ 1851 году. Хотя въ ней и встрѣчаются устарѣлыя взгляды, что и понятно, такъ какъ статья написана почти двадцать пять лѣтъ назадъ, но, по мнѣнію редакціи, многія мысли опытнаго, боеваго казачьяго генерала заслуживаютъ вниманія.

Ред.

рійскія массы силъ. Главную обязанность всадника составляетъ непрекословное исполненіе приказаній старшихъ. Это—искусно организованная машина, которой все дѣйствіе сосредоточено въ главной ея пружинѣ—въ начальникѣ. Безъ воли его она не двигается съ мѣста и не останавливается. Чѣмъ болѣе соединены части этого стройнаго цѣлаго, чѣмъ болѣе вниманію каждаго приковано къ повелѣніямъ высшей власти, тѣмъ совершеннѣе регулярная кавалерія. Назначеніе этой кавалеріи сообразно съ ея устройствомъ. Военачальникъ, по усмотрѣнію своему, беретъ эту одушевленную машину, громитъ ею войска непріятельскія и, достигнувъ цѣли, старается, на покойномъ и удобномъ, по возможности, мѣстѣ, освѣжить ея силы, возстановить порядокъ и готовить ее къ новымъ дѣйствіямъ.

Хотя и казачьи полки, особенно въ настоящее время, имѣютъ внутреннюю организацію регулярныхъ полковъ, и могутъ, въ случаѣ надобности, дѣйствовать совокупно; но крѣпкій узелъ, которымъ связана регулярная кавалерія, у казаковъ долженъ быть во всегдашней готовности раздѣлиться на волокна, даже рассучиваться на тончайшія нити. Какъ регулярная кавалерія бываетъ лучше, по мѣрѣ совокупленія въ стройное цѣлое, такъ ирегулярная дѣлается совершеннѣе по достоинству составныхъ своихъ частей, не только полковъ и сотенъ, но и мелкихъ командъ, и даже каждаго казака поодиночѣ, потому что каждая часть, какъ бы мала ни была, должна имѣть жизнь цѣлаго; вездѣ долженъ присутствовать умъ; должно быть развито соображеніе (*).

Иначе и быть не можетъ въ ирегулярной кавалеріи, которая назначена для дѣйствія раздѣльнаго, рассыпнаго. Казаки, во время сраженія, разсѣянные по интерваламъ и флангамъ другихъ войскъ, когда главному начальству не время ими заниматься, и когда даже ближайшимъ ихъ командирамъ слѣдить за ними не всегда возможно, часто, во время самага дѣла, должны руководиться собственными соображеніями. Но когда сраженіе оканчивается, и вся армія, по мѣрѣ возможности, успокоивается, тогда для казаковъ наступаетъ новая пора дѣятельности. Если не нужно преслѣдовать непріятеля, или прикрывать собственное отступленіе, то они опоясываютъ цѣпью пикетовъ остановившуюся на ночлегъ армію, или рассѣиваются большими и малыми партіями въ разныя стороны, для раавѣдыванія о непріятелѣ и для другихъ порученій, часто въ мѣста неизвѣстныхъ. Во всѣхъ случаяхъ, особенно въ послѣднемъ, начальники самыхъ мельчайшихъ

(*) Нужно замѣтить, что вышеприведенный взглядъ на исключительный характеръ регулярной кавалеріи значительно устарѣлъ.

частей должны находить сами средства для исполненія воли высшаго начальства; въ противномъ случаѣ, въ арміи произошли бы упущенія. Не станемъ распространяться о службѣ казаковъ на Кавказѣ, и въ особенности о трудномъ сбереженіи кордонныхъ линій отъ хищниковъ, о многоотвѣтственномъ охраненіи границъ отъ чумы и контрабанды, о конвоированіи транспортовъ и проѣзжающихъ, о розысканіи и преслѣдованіи разбоевъ и грабительства, и о многихъ другихъ обязанностяхъ казаковъ. Для этого невозможно начертать постоянныхъ инструкцій или правилъ, потому что дѣйствія казаковъ вездѣ должны быть соображены съ мѣстностью, со свойствомъ самаго непріятеля и съ разными обстоятельствами, и тогда только бываютъ удачны, когда казаки знаютъ свое дѣло.

Не оспариваемъ способности легкой регулярной кавалеріи къ раздѣльнымъ дѣйствіямъ; напротивъ, гусары, уланы и драгуны, особенно въ настоящее время, такъ развиты и обучены, что въ рассыпномъ строю и перестрѣлкѣ могутъ служить образцомъ и для самихъ казаковъ. Но дѣйствія эти другаго рода, потому что они совершаются только по командѣ. Не станемъ утверждать также, чтобы войска эти не могли, въ случаѣ надобности, исполнять аванпостной службы, и оберегать армію исправно и бдительно; но не въ этомъ состоитъ прямое назначеніе регулярной кавалеріи, тѣмъ болѣе, что аванпостная служба можетъ изнурить непривычныхъ къ тому лошадей и бесполезно уничтожить это прекрасное, стройное войско.

Азіятскіе наѣзники: черкесы, чеченцы и другіе горскіе народы, а также персидская и турецкая конницы, дѣйствуютъ всегда въ рассыпную, ѣздятъ на проворныхъ и рѣзвыхъ лошадяхъ, стрѣляютъ отлично и во многомъ похожи на казаковъ. Но, при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, можно увидѣть, что они джигитуютъ только издали, нападаютъ болѣе тогда, когда ихъ приманиваетъ легкая пожива, и твердо защищаются только тамъ, гдѣ природа представляетъ особенную мѣстность, гдѣ скалы, ущелья и лѣса укрѣпляютъ ее для войны оборонительной, а потому прославленная храбрость азіятцевъ любитъ стрѣлять только изъ за-куста и камня, и вовсе неохотница засматривать смерти прямо въ глаза. Конечно, по быстротѣ своихъ коней, они способны къ набѣгамъ, и часто ихъ производятъ; но только для хищничества и грабежа, а не въ духѣ благороднаго партизанства. Въ европейскихъ же войнахъ, среди дѣйствующихъ армій, они не въ состояніи понять и сообразить движеній ни своихъ, ни непріятельскихъ войскъ, и потому не могутъ быть употреблены съ пользою для открытій и развѣдываній.

Прекрасенъ видъ регулярной кавалеріи, когда она свертываетъ и развертываетъ колонны и производитъ живописныя свои движенія. Можетъ быть теперь, когда казачьимъ полкамъ данъ уставъ для эволюцій легкихъ и удобоисполнимыхъ, могутъ они, хотя не въ совершенствѣ, отличаться и на этомъ поприщѣ. Но какъ ни полезно это нововведеніе, какъ ни отрадна надежда въ будущемъ видѣть такое благоустройство казачьихъ полковъ, однако, не должно забывать, что не въ томъ одномъ состоитъ все достоинство ирегулярныхъ полковъ, и что казачья служба имѣетъ собственныя, ей самой принадлежащія, потребности.

Пріятно также видѣть казака-наѣздника, когда онъ, щегольски одѣтый, вьется на нарядномъ азіатскомъ конѣ и, ловко выхватывая изъ-за плеча чернесское ружье, на всемъ скаку попадаетъ въ цѣль; какъ, пустивъ во всю прыть, хватаетъ съ лошади на землѣ червонецъ или выдѣлываетъ другія выходки ловкости и проворства.

Но не должно представлять себѣ, что въ одномъ наѣздничествѣ состоитъ вся удача казака. Лучшіе стрѣлки и джигиты бываютъ иногда самые плохіе казаки тамъ, гдѣ должно пробиться грудью, высмотрѣть зоркимъ глазомъ и рассказать толкомъ, и наоборотъ, иногда самый неловкій наѣздникъ дѣлаетъ услугу цѣлой арміи. Занимая вездѣ хорошее и приспособляя его къ своей пользѣ, казаки должны сознавать, оцѣнивать и всѣми силами развивать качества, собственно имъ принадлежащія и необходимыя для ихъ службы.

О главнѣйшихъ качествахъ казаковъ. Такимъ образомъ, казачья служба, различаясь отъ службы регулярной легкой кавалеріи и азіатскихъ наѣздниковъ, двухъ къ ней ближайшихъ родовъ войскъ, составляетъ сама по себѣ особое искусство, къ сожалѣнію, до сихъ поръ письменно не объясненное, не истолкованное и держащееся на однихъ словесныхъ преданіяхъ (*).

Не трудно бы собрать правила, которыми должно руководствоваться во время выставленія вокругъ арміи дневныхъ и ночныхъ аванпостовъ, хотя и въ этомъ случаѣ различная мѣстность должна требовать различныхъ соображеній. Но какъ исчислить всѣ случаи, которые могутъ встрѣтиться офицеру или казаку во время партій, и какъ подвести подъ правила соображенія, которыхъ всегда требуютъ отъ нихъ обстоятельства: и страна, и мѣстность, и климатъ, и погода, и враги, и друзья, и жители, и проч.? Соображеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, употребленіе ихъ въ пользу свою и во вредъ непріятелю можетъ доставить тольکو военная смѣтливость, развитіе умст-

(*) Писано до изданія опредѣленныхъ инструкцій.

венныхъ способностей въ военномъ отношеніи, качество, которымъ казаки обладаютъ въ высшей степени, и чѣмъ они рѣзко отличаются отъ всѣхъ другихъ войскъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Всѣ, имѣвшіе случай служить когда-либо съ казаками, безпрекословно отдають имъ справедливость въ этихъ способностяхъ, неоднократно удивляясь ихъ природному смыслу и толку, ихъ расторопности и находчивости, которыми не разъ извлекали они себя и другихъ изъ самыхъ затруднительныхъ положеній; но не всѣ одинаково согласны, въ чемъ именно заключается эта смѣтливость и откуда она проистекаетъ. Чаще всего приписывали это врожденному инстинкту и чутью, свойствамъ многихъ полудикихъ жителей, въ особенности воинственныхъ. Но хотя и неоспоримо, что у казаковъ, какъ обитателей степей, нерѣдко встрѣчается зоркость глаза и чуткость слуха, однако, въ этомъ отношеніи далеко превосходятъ ихъ многія кочевыя племена, которыя, при всемъ томъ, на войнѣ, служа при нашихъ арміяхъ, не могли извлекать изъ этихъ физическихъ качествъ особенно замѣчательныхъ выгодъ. Напротивъ, если внимательно всмотрѣться въ казачьи дѣйствія, то нельзя не замѣтить, что они, какъ бы раздѣльны ни были, всегда сообразны съ ходомъ и потребностью военныхъ дѣйствій; что казакамъ не чужды общія понятія о позиціяхъ и расположеніи армій, что они постоянно слѣдятъ за движеніемъ войскъ нашихъ и непріятельскихъ, и потому нельзя не согласиться, что смѣтливость ихъ происходитъ отъ того, что казаки, нѣкоторымъ образомъ, понимаютъ войну. Прежде нежели будетъ изложено начальное происхожденіе и дальнѣйшее развитіе этой способности казаковъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о другомъ, также важномъ для нихъ, качествѣ.

Если, какъ сказано выше, казачья служба назначена большею частью для дѣйствій раздѣльныхъ, разсыпныхъ, то должна быть какая нибудь сила, которая руководила бы каждаго казака, гдѣ бы онъ ни былъ, въ исполненіи его обязанностей и поощряла бы его къ дѣламъ труднымъ, иногда и безъ особенныхъ приказаній начальства, вливала бы въ него мужество, необходимое для преодоленія препятствій и презрѣнія опасностей, и то пламенное одушевленіе, безъ котораго невозможно произвести славныхъ подвиговъ. Это рвеніе, военный энтузіазмъ не только долженъ одушевлять казачьи войска болѣе чѣмъ другія, но необходимо, чтобы онъ былъ развитъ въ каждомъ казакѣ.

Нельзя оспаривать, что казаки всегда были одушевлены особеннымъ рвеніемъ. Не говоря о походахъ давнихъ, стоитъ указать на незабвенную Отечественную войну. При трудномъ и долговременномъ

отступленіи, нужно было ревностное усердіе не только всѣхъ, но и наждаго, чтобы, неся непріятеля на плечахъ, отстаивать у него шагъ за шагомъ и наносить ему возможный вредъ. По занятіи французами Москвы, также необходимо было стремленіе, не только общее, но и частное, чтобы, разсѣянными партіями въ окрестностяхъ столицы пресѣчь французамъ всѣ пути къ продовольствію и заслужить столь лестный отзывъ великаго Кутузова: «казаки дѣлають чудеса!» При объявленіи атаманомъ Платовымъ поголовнаго ополченія, также безъ особаго одушевленія со стороны казаковъ нельзя было ожидать, чтобы съ такою скоростью встала вся Донская земля, чтобы всѣ безъ извѣтій: и согбенные старцы, и едва выходявшіе изъ дѣтскаго возраста юноши, по призыву, для спасенія отечества, мигомъ бросились на коней своихъ и, совершивъ дивный по быстротѣ походъ, неожиданно явились къ Тарутину, на ужасъ непріятельскихъ полчищъ. Наконецъ, при отступленіи непріятеля, нужно было не только одушевленіе, но даже самоотверженіе со стороны казаковъ, чтобы они, забывъ стужу и голодъ на этомъ пути смерти, окружили со всѣхъ сторонъ, какъ облаками, бѣгущихъ и, неся общія съ непріятелемъ нужды и лишенія, истребили армию Наполеона. Не нужно распространяться о казачьихъ дѣлахъ въ 1812, 1813 и 1814 годахъ: они слишкомъ извѣстны, потому что совершались подъ командою не однихъ казачьихъ начальниковъ, но и подъ предводительствомъ знаменитѣйшихъ партизановъ русской арміи, которые многократно о томъ свидѣтельствовали.

Для дѣйствій раздѣльныхъ не довольно одного усердія къ соблюденію своего долга и къ исполненію приказаній начальства; нужно то пламенное одушевленіе, которое вызвало бы война охотою на дѣла опасныя, повидимому, невозможныя. Не говоря уже о всегдашней службѣ казаковъ предъ глазами враговъ—естественной принадлежности аванпостной службы, имъ приходится очень часто переправляться вплавъ черезъ бурныя и широкія рѣки, чтобы осмотрѣть со всѣхъ сторонъ позицію непріятеля; приходится воспользоваться и темною ночью, и выжною мятежью, чтобы исполнить какое-либо важное порученіе, пробравшись въ средину непріятельской арміи, или, засѣвъ въ скрытномъ мѣстѣ и выждавъ благоприятное время, схватить «языкъ» и примчать его съ собою, или открыть сообщеніе съ какою либо частью своихъ войскъ, пробравшись по мѣстности, занятой врагами,—словомъ, нужны такія дѣла, для исполненія которыхъ начальство, безъ добровольнаго вызова охотника, нерѣдко затруднилось бы дать кому либо приказаніе. Для этого необходимо, чтобы въ войскахъ со-

ревнованіе—отличиться одному передъ другимъ, развило пылкія силы души, возвысило чувства стремленіемъ къ чести и славѣ и породило всеобщій энтузіазмъ.

Это благородное одушевленіе въ казачьихъ войскахъ существовало издавна; первоначальнымъ же происхожденіемъ своимъ обязано было, такъ же какъ и смѣлливость, событіямъ историческимъ.

Первоначальное происхожденіе казачьихъ способностей и свойствъ. Въ то время, когда юная Русская Монархія, по благодати Провидѣнія, стряхнувъ съ себя цѣли слишкомъ двухъ-вѣковаго ига монголовъ, боролась съ внутренними врагами и стремилась къ водворенію у себя благотворнаго самодержавія, неожиданно, на обширныхъ стѣняхъ, раздѣлявшихъ ее отъ Чернаго моря и отъ владѣній султана, опустѣлыхъ по удаленіи оттуда татаръ, явилось воинственное общество казаковъ. Откуда оно взялось, какъ составилось, нѣтъ точныхъ историческихъ свѣдѣній; но въ самые первые годы его открытія, замѣчены уже въ немъ свои собственные правила и обычаи, обнаруживающіе давнишнее его существованіе и устройство, можетъ быть, въ иномъ мѣстѣ. Не наше дѣло разбирать разные объ этомъ толки и предположенія; но то неоспоримо, что языкъ, Православная вѣра, а болѣе всего безпредѣльная приверженность къ Царямъ нашимъ обнаруживаютъ въ немъ чисто-русское происхожденіе.

Съ самаго начала рѣзко обозначился особенный характеръ общества. Это было непреборимое стремленіе къ преслѣдованію и пораженію невѣрныхъ; непримиримая «на жизнь и смерть» вражда, которую казаки имъ объявили. Со всѣхъ концовъ Россіи стекалась туда удалая молодежь—принимать участіе въ непрерывныхъ битвахъ и опасностяхъ. Казалось, что месть, которая накопила на сердцѣ русскаго народа, за долговременное притѣсненіе и оскорбленіе отечества, вылилась изъ него въ видѣ этихъ вольныхъ дружинъ, которыя ринулись вслѣдъ за татарами, не имѣя другой цѣли жизни, не зная другихъ благъ міра, кромѣ истребленія этихъ наглыхъ пришлецовъ!

Вмѣстѣ съ татарами объявлена одинаковая, непримиримая вражда тогдашнимъ покровителямъ ихъ и единовѣрцамъ,—туркамъ; почему значительная турецкая крѣпость Азовъ сдѣлалась пунктомъ, около котораго сосредоточились главныя силы казаковъ. Какъ война была единственною стихіею жизни ихъ, то мѣстопробываніе войсковаго начальства учредилось тамъ, гдѣ ближе была опасность, слышнѣе раздавались военные клики. Отсюда летучіе отряды казаковъ разбѣгались по югу и юго-востоку Россіи, отъ Днѣпра до Урала; отсюда заигалась та полуторавѣковая война съ невѣрными, которая безпре-

рывно пламенѣла въ этихъ пустыняхъ. Какъ только доходили слухи о скопившихся гдѣ либо полчищахъ татаръ, тотчасъ спѣшили туда казачьи дружины, дышавшія отвагою и закаленные въ битвахъ, съ винтовками и дротиками, и окружали враговъ потокомъ лавъ своихъ; иногда отражаемыя, но никогда не побѣжденные, онѣ, послѣ всякой потери, являлись съ новыми силами и нападали съ новымъ ожесточеніемъ. Мало по малу пустыня эта совершенно очищена отъ татаръ, успокоена и сдѣлалась достояніемъ Россіи; отечество раздвинуло свои предѣлы до Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, и подошвы Кавказа и Урала. Но нѣкоторымъ казакамъ показалось тѣсно и въ этомъ пространствѣ; неутомимое стремленіе духа перенесло ихъ за хребетъ Уральскій, и чудесными подвигами, неизмѣримая и богатая Сибирь повержена къ стопамъ Царей нашихъ и навсегда прикована къ отечеству.

Рядъ удалыхъ дѣлъ казаковъ, въ этотъ первый періодъ исторической ихъ жизни, заключился взятіемъ Азова и дивнымъ ихъ въ немъ *сидніемъ*. Мудрено-ли, что послѣ такихъ дѣлъ окрѣпъ отважный духъ ихъ и развернулись воинскія ихъ способности, безъ которыхъ они давно были бы жертвою бранной бури? Вотъ первоначальное происхожденіе неудержимаго рвенія казаковъ и ихъ смѣливости, этого развитія чисто русскаго духа и смысла!

Въ исходѣ XVII столѣтія, послѣ покоренія Петромъ I Азова, Великій Преобразователь Россіи бросилъ гениальный взоръ на казаковъ и творческою своею волею замѣнилъ удалыя ихъ похождения службою въ рядахъ русской арміи. Съ этой поры хотя многое измѣнилось, хотя Донъ, прежде по названію только *тихий* (*), теперь въ самомъ дѣлѣ затихъ, и военные звуки, гремѣвшіе вокругъ него столько вѣковъ, замѣнились стукомъ земледѣльческихъ орудій, но духъ казачій находилъ достаточную пищу для поддержанія и развитія своего. Сдѣлавшись бдительнымъ стражемъ нашихъ и бичомъ непріятельскихъ армій, находясь всегда впереди, лицомъ къ лицу противъ непріятеля, казаки, по образу своего служенія, всегда имѣли случай отличиться новыми подвигами; уважаемые военачальниками, осыпанные наградами Монаршими, они возвращались на Донъ съ богатою добычею—разсказывать и пѣть пѣсни про старыя и новыя свои подвиги. Даже и тогда, какъ вольныя ихъ дружины стали подчиняться правиламъ, когда введены составы полковъ и учреждено чиновначаліе, нисколько

(*) Съ незапамятныхъ временъ казаки называли Донъ *тихимъ*. Происхожденіе этого эпитета неизвѣстно, потому что рѣка эта имѣетъ теченіе довольно быстрое.

не умажились существенныя ихъ способности. Напротивъ того, казаки, по безпредѣльной преданности къ Вѣнценосцамъ, съ любовію принимая всякія нововведенія, стремились оправдывать ихъ всѣми силами, и развили, наконецъ, доблести свои до той степени, на которой прославились во времена атаманства Платова, въ незабвенную Отечественную войну и проч.

Вліяніе образа жизни и мѣстныхъ обстоятельствъ на развитіе духа казаковъ. Вмѣстѣ съ жизнію военною, не мало содѣйствовало къ развитію духа и способностей казаковъ самый образъ домашняго ихъ быта. По удаженіи татарскихъ ордъ, казаки разсѣлялись по пространству земли теперешняго Войска Донскаго, и поселеніями своими заняли мѣста по берегамъ Дона и большихъ впадающихъ въ него рѣкъ: Донца, Медвѣдицы, Хопра, а также по Бузулуку (рѣкѣ, текущей въ Хоперь). Но такъ какъ земля Донская совершенно успокоилась не сразу, и бурныя толпы хищниковъ, время отъ времени, дѣлали на нее опустошительныя набѣги, то въ первыя времена казачьи поселенія обнесены были земляными валами, или, по крайней мѣрѣ, огорожены плетнями и терновникомъ, отъ чего и получили названіе *городовъ*. Жившее въ каждомъ городкѣ общество казаковъ управлялось само собою, избирая изъ среды себя атамана и старшинъ. Оно заботилось о собственной своей защитѣ и безопасности, и всѣми внутренними дѣлами своими распоряжалось съ полною свободою; но предписанія и наказы войсковаго начальства касательно высылки казаковъ на службу всегда исполнялись свято и безпрекословно. По водвореніи на Дону тишины и безопасности, когда укрѣпленія со временемъ исчезли, и городки получили названіе *станицъ*, внутреннее управленіе казачьихъ общинъ осталось тоже самое. Каждая станица издревле управлялась «сборомъ». Въ сборѣ станичномъ имѣлъ право участвовать каждый казакъ, не запятнавшій себя дурною жизнію дома, или предосудительными поступками на службѣ; но судить и рядить о дѣлахъ общественныхъ предоставлялось только людямъ пожилымъ; почему на Дону слово *старикъ*, издревле, составляло родъ почетнаго званія. Однако, въ общество стариковъ нерѣдко допускались и молодые люди; но только тѣ, которые отличпою службою, хорошимъ умомъ и примѣрною жизнію привлекали къ себѣ общее уваженіе. Здѣсь, въ общемъ совѣтѣ, обсуживались всѣ дѣла, но преимущественно военныя, потому что война была первою цѣлью казака, и хотя со временемъ ненужно было болѣе заботиться о мѣрахъ общей безопасности и обороны противъ набѣговъ хищниковъ, но непрерывное от-

правление казаковъ въ походы и возвращеніе ихъ со службы доставляли всегда достаточную пищу сужденіямъ о дѣлахъ военныхъ.

Станичные сборы всегда привлекали къ себѣ жителей. Когда водворившаяся безопасность дала имъ возможность расселиться, для удобства хозяйственныхъ занятій, «хуторами», иногда въ довольно большомъ отдаленіи отъ станицъ, всѣ казаки, гдѣ бы они ни жили, предъ каждымъ воскреснымъ и праздничнымъ днемъ, стекались въ станицы, по большей части верхами, такъ что верховая ѣзда и въ домашнемъ быту была неизбѣжною потребностію казака, и каждый пріучался къ ней съ самаго младенчества.

Въ воинственномъ народѣ, во всякихъ собраніяхъ, дѣла военныя составляютъ первѣйшую пищу для разговоровъ. Такъ бывало и на Дону, всегда на всякихъ съѣздахъ и сходкахъ казаковъ, а въ особенности на станичныхъ сборахъ, гдѣ по окончаніи сужденій о дѣлахъ общественныхъ, заслуженные воины естественнымъ образомъ обращались къ рассказамъ о подвигахъ своихъ и людей, имъ болѣе извѣстныхъ; пылкая же молодежь съ жадностію ловила слова ихъ. Наслушавшись разныхъ повѣствованій изъ военной жизни, молодые люди садились на лошадей и выѣзжали за станицу, гдѣ старались представить въ дѣйствиіи рассказанное имъ и, раздѣляясь на двѣ стороны, дѣлали примѣрное сраженіе. Очень нерѣдко присоединялись къ нимъ и служащіе казаки, которые дѣлали имъ съ своей стороны наставленія. Эти домашніе маневры часто соединялись со стрѣльбою въ цѣль, съ лошади и пѣшкомъ, и съ другими воинственными упражненіями; они бывали не только въ воскресные дни, послѣ станичныхъ сборовъ, но повторялись всегда, какъ только казаки съѣзжались вмѣстѣ: при раздѣлахъ травяныхъ пасевъ, при переѣздѣ изъ хутора въ станицы и обратно, на свѣтло-праздничныхъ, троицкихъ, святочныхъ и масляничныхъ играхъ, такъ, что война была преобладающею, всеобщею мыслию среди домашнихъ занятій и увеселеній. Въ свою очередь, молодые люди служили примѣромъ малолѣтнимъ дѣтямъ. Война была необходимымъ условіемъ ихъ младенческихъ игръ, причемъ и ихъ толпы подчинялись правиламъ военной организаціи и имѣли своихъ начальниковъ. Такимъ образомъ, понятія о войнѣ вливались въ мысли и чувства казачка, можно сказать, вмѣстѣ съ молокомъ материнскимъ.

Притомъ, станичные сборы не менѣе дѣйствовали на поддержаніе нравственности и хорошаго поведенія казаковъ. Казаки съ давнихъ временъ высоко цѣнили честь участвовать въ общественныхъ собраніяхъ, судить и рядить дѣла станицы вмѣстѣ съ согражданами, и

каждый хорошій казакъ, въ продолженіе своей службы и жизни имѣлъ главную цѣль, какъ бы въ награду его боевыхъ подвиговъ и трудовъ домашнихъ, получить право почетнаго голоса на станичномъ сборѣ. Не рѣдко молодой казакъ искалъ опасностей и отличій именно потому, что урядничье званіе и Георгіевскій крестъ допускали его прежде времени къ занятію мѣста на сборѣ, возлѣ почетнѣйшихъ старшинъ; казакъ всегда терпѣливо переносилъ нужды и лишенія, лишь бы только не подвергнуться нареканію, которое удаляло его отъ этой чести, не говоря уже о развратномъ поведеніи и преступленіяхъ, которыя навсегда лишали его на то права.

Дальнѣйшее развитіе казачьихъ способностей, при походѣ съ Дона полковъ. Порожденный въ станичныхъ обществахъ духъ стремленія къ военному усовершенствованію переходилъ съ казаками въ полки, когда они отправлялись на службу. Здѣсь нужно сказать нѣсколько словъ о старинномъ, оригинальномъ образѣ слѣдованія донскихъ полковъ на службу, какъ о средствѣ, содѣйствовавшемъ также къ развитію казачьяго смысла.

Въ прежнія времена, при отправленіи казаковъ съ Дона, они не снабжались маршрутами, но полковой командиръ получалъ только предписаніе, въ какое мѣсто ему слѣдовать и какихъ городовъ придерживаться въ дорогѣ.

Выступивъ съ Дона, полкъ для лучшаго обезпеченія продовольствія лошадей подножнымъ кормомъ, растягивался обыкновенно на довольно большое пространство, вправо и влево отъ большой дороги; сотни шли отдѣльно одна отъ другой и сами подраздѣлялись на нѣсколько мелкихъ командъ, преимущественно составленныхъ изъ станичниковъ, т. е. жителей однѣхъ станицъ. Сотенные командиры, получивъ отъ полковаго приказаніе о направленіи, сообщали о томъ командирамъ, которые уже сами для себя избирали и дорогу, и ночлеги, руководствуясь относительно мѣстности географическими свѣдѣніями, передаваемыми отъ поколѣнія поколѣнію. При этомъ начиналось практическое образованіе молодыхъ казаковъ: объяснялось имъ: и путешествіе по звѣздамъ, и направленіе по вѣтру, и всѣ наблюденія природы, которыя для казаковъ часто служатъ компасомъ. Они шли всегда по прямому направленію: безколесные ихъ караваны не нуждались въ дорогахъ. Казаковъ не задерживали ни горы, ни рѣки: они пріучались съ ловкостью подниматься и спускаться по самымъ опаснымъ крутизнамъ и переплывать широкія воды. Курганъ, пригорокъ, лѣсъ, рѣка, село, словомъ всякій встрѣчавшійся имъ предметъ служилъ средствомъ для развитія ихъ тактическихъ соображеній. Моло-

дше казаки летали безпрестанно во всѣ стороны, для приученія себя къ открытіямъ и развѣдываніямъ, причемъ частыя сношенія, которыя командамъ нужно было имѣть съ полковымъ и сотеннымъ штабами и между собою, чтобы на маршѣ соблюдать должный порядокъ и держаться надлежащаго направленія, также доставляли имъ много случаевъ для опыта. Свободное слѣдованіе казаковъ въ дорогѣ подавало имъ большое удобство—приучаться къ стрѣльбѣ съ коня и другимъ ловкимъ упражненіямъ, также приѣзживать молодыхъ лошадей и доводить ихъ до проворства и поворотливости, столь необходимыхъ для казачьей службы. Такимъ образомъ, полкъ приходилъ къ мѣсту своего служенія въ исправности; люди были уже всегда ознакомлены со своими обязанностями, а лошади хорошо выѣзжены.

Хотя полки, еще съ начала текущаго столѣтія, стали наблюдать слѣдованіе по маршрутамъ, однако до введенія въ 1838 году въ донскія войска устава, они, сколько намъ извѣстно, на маршахъ всегда ходили свободно; но послѣ, мало по малу, началъ вводиться порядокъ слѣдованія въ походныхъ колоннахъ.

Усовершенствованіе казаковъ на дѣйствительной службѣ.
 На дѣйствительной службѣ станичники составляли военное братство, помогали одинъ другому въ нуждахъ, дѣлились радостью и горемъ, послѣднею копѣйкою и послѣднимъ сухаремъ; умирали другъ за друга. Старые казаки вездѣ были прямыми наставниками своихъ молодыхъ станичниковъ, объясняли имъ правила казачьей службы на самомъ дѣлѣ, передавали имъ свою опытность на аванпостахъ, руководили ими во время трудныхъ предпріятій. Такимъ образомъ, даже никогда не бывшіе на военной службѣ казаки приучались къ ней очень скоро. Вступая на боевое поприще, они видѣли въ немъ что-то знакомое; встрѣчали движеніе войскъ, лагери, позиціи, которые неоднократно чертили имъ палкою на пескѣ или мѣломъ на столѣ бородастые профессора военного искусства, видѣли, какъ примѣнялись къ дѣйствительности ихъ домашніе маневры и эволюціи, какъ осуществлялись изьясненія и толкованія, на которыя всегда были щедры и словоохотливы ихъ старшіе и опытнѣйшіе товарищи. Не менѣе того, старшіе станичники всегда смотрѣли за нравственностью и поведеніемъ молодыхъ своихъ товарищей, которые уважали ихъ какъ отцовъ своихъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, въ полкахъ былъ издревле принятъ обычай не раздѣлять станичниковъ по разнымъ сотнямъ, даже въ сотняхъ ставить ихъ вмѣстѣ, не заботясь строго о ранжирѣ; обычай, который, по очевидной его пользѣ, было бы кажется полезно сохранить въ полкахъ и на будущее время. Стремясь душою къ мѣсту

своего рожденія, каждый казакъ — семьянинъ, сынъ, мужъ, отецъ, съ воспоминаніями о своей станицѣ соединялъ все, что для сердца его дорого, уважалъ, обожалъ ее, боясь дурною службою и худымъ поведеніемъ запятнать ея родное имя, которое, какъ святая хоругвь, было всегда предъ мысленными его глазами. Отъ этого не рѣдко бывало, что какую либо случайную оплошность казака въ дѣлѣ, станичники его считали обязанностью омыwać своею кровью.

Соревнованіе станичниковъ естественнымъ образомъ порождало соперничество одной станицы съ другою, отчего нѣкоторые изъ нихъ начали отличаться болѣе и болѣе, и наконецъ, получили рѣшительный перевѣсъ. Казаки ихъ стали славиться особенною своею храбростію, подавая другимъ благородный примѣръ для подражанія. Стоитъ упомянуть о станицахъ: Раздорской, Кочетовской, Пяти-избянской и Букановской, въ которыхъ много простыхъ казаковъ дослужились не только до полковниковъ, но нѣкоторые были знаменитыми генералами. Глядя на заслуги этихъ отличныхъ станицъ, казаки прочихъ станицъ рвались изъ всѣхъ силъ своихъ къ отличіямъ и, если нѣкоторые изъ нихъ удостоивались того, что начальство въ отзвѣхахъ своихъ сравнивало ихъ съ Раздорцами и Пяти-избянцами, то это составляло ихъ счастье и возбуждало на Дону, въ родныхъ ихъ станицахъ, особенный восторгъ.

Но соперничество станицъ исчезало предъ чувствованіями привязанности, которыя одушевляли всѣхъ казаковъ къ общей ихъ родинѣ — къ Войску Донскому. Этотъ «тихий Донъ» былъ для нихъ какимъ-то священнымъ понятіемъ; при имени его у нихъ билось сердца. Онъ былъ представителемъ ихъ усердной службы отечеству, выраженіемъ безпредѣльной преданности къ Государю.

Казаки издавна страстно любили свою сторону; любили свой казачій бытъ, воинственную жизнь свою. Эта жизнь, полная радостей и скорби, переходившая отъ домашняго благополучія къ нуждамъ и лишеніямъ всякаго рода, отъ горестныхъ разлукъ къ сладкимъ свиданіямъ, такая тревожная, такая привольная, столь разнообразная — имѣла свою поэтическую сторону. Возвращаясь изъ далекой службы на Донъ, казаки рассказывали о своихъ походахъ, о битвахъ, о трудахъ и опасностяхъ. Сочувствіе родныхъ и друзей было одною изъ лучшихъ наградъ за ихъ подвиги. Съ особеннымъ удовольствіемъ говорили они о вниманіи высшаго начальства, котораго они удостоивались, и о милостяхъ Монаршихъ, проливаемыхъ на единоземцевъ ихъ. Глядя на заслуги своего собрата по происхожденію и награды, имъ получаемыя, каждый казакъ веселился сердцемъ, счи-

талъ и себя вмѣстѣ съ нимъ награжденнымъ. При взорѣ на земляковъ своихъ, которые отличною службою достигали до степеней значительныхъ, начальствовали полками, повелѣвали войскомъ, приобретали уваженіе и славу въ отечествѣ, снискивали довѣренность и расположеніе Великаго Государя, всѣ казаки возвышались духомъ: они понимали, что и имъ открыта дорога къ чинамъ и значенію, что щедроты Монарха всегда готовы наградить и ихъ за вѣрную и усердную службу. Имена знаменитыхъ героевъ родины съ любовію передавались изъ устъ въ уста; съ восторгомъ повторялись рассказы объ ихъ славныхъ подвигахъ, и безхитростная поэзія сыновъ Дона сплетала пѣсни, которыя передавали потомкамъ удивленіе къ ихъ знаменитымъ соотчичамъ.

Нѣкоторыя измѣненія быта и службы казаковъ и происшедшія отъ этого потребности. Мы видѣли, какъ прежде, по службѣ въ полѣ и въ домашнемъ быту, способности и свойства казаковъ развивались сами по себѣ, естественнымъ образомъ. Но наступило время, когда стремленіе къ совершенству во всѣхъ частяхъ русскихъ войскъ потребовало сообразно тому улучшеній и въ полкахъ казачьихъ. Сдѣлалось нужнымъ подчинить ихъ большей дисциплинѣ; признано полезнымъ ознакомить ихъ, хотя нѣсколько, со строевою службою регулярной кавалеріи, чтобы они могли, въ случаѣ надобности, быть употребляемы въ дѣйствіяхъ болѣе правильныхъ. Слѣдовательно, стало необходимымъ, чтобы донскіе полки и въ наружномъ видѣ представляли болѣе стройности, красоты и единообразія, а потому потребовалось обратить особенное вниманіе на улучшеніе ихъ лошадей, обмундированіе и вооруженіе. Идеи челоуѣколюбія и чувства возвышеннаго благородства, которыя среди кровавыхъ войнъ распространились въ русскихъ арміяхъ на ряду съ военнымъ искусствомъ, дѣлали съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе несомвѣстными понятія о тѣхъ военныхъ добычахъ, которыми предки казаковъ жили на службѣ и отчасти въ домашнемъ быту поддерживали свое хозяйство. Отъ этого произошла необходимость казаку, для исправленія себя на службѣ, снабжаться всѣмъ нужнымъ изъ дому, а потому онъ былъ вынужденъ обратить дальнѣйшее вниманіе на занятія хозяйствомъ. Но по естественному порядку вещей, казакъ, предавшись трудамъ сельскимъ и приложивъ къ нимъ усердное свое стараніе, уже не имѣлъ возможности развивать въ себѣ военныя качества, а потому средства прежняго, натурального его развитія сдѣлались недостаточными; открылась необходимость содѣйствовать ему въ томъ хотя нѣкоторымъ искусственнымъ образованіемъ его, дома и на службѣ. Въ образѣ же

слѣдованія казаковъ въ походахъ, по причинѣ умноженія въ нашемъ отечествѣ образованія, давно уже, какъ вышеупомянуто, произошли большія измѣненія, препятствовавшія также естественному развитію казаковъ.

Къ объясненнымъ обстоятельствамъ присовокупилось повсемѣстное распространеніе гражданственности въ Донскомъ войскѣ. Войско это по географическому положенію давно уже перестало быть пограничнымъ, военнымъ стражемъ отечества, и окруженное со всѣхъ сторонъ губерніями, должноствовало быть въ непрерывныхъ съ ними сношеніяхъ по дѣламъ службы и общежитія. Все это заставило правительство обратить вниманіе на Донской край и начертать особыя правила для руководства его въ военномъ и въ гражданскомъ быту.

Но прежде нежели обратить вниманіе на Высочайше дарованное Войску Донскому положеніе (*), считаемъ необходимымъ коснуться нѣкоторыхъ мнѣній, которыя мы неоднократно слышали и которыя раздѣляли многія лица, весьма достойныя уваженія, касательно даянѣйшаго развитія и усовершенствованія казачьей службы.

Разборъ мнѣній о средствахъ къ улучшенію казачьей службы.

Многіе увѣряли, что казачество, какъ порожденіе дикаго быта народовъ и жизни его среди военныхъ тревогъ и опасностей, должно исчезнуть при водвореніи на Дону образованности и благосостоянія, что казакъ тогда только былъ удалымъ воиномъ, когда всѣ мысли, понятія и чувствованія его направлены были къ одному его ремеслу; когда казачья его натура могла развертываться свободно, не отвлекаемая книжнымъ ученіемъ, не разслабляемая сидячею жизнью или домашними сельскими занятіями, и когда науки не заглушали въ немъ естественныхъ способностей, врожденнаго чутья и инстинкта. Утверждали также, что главнѣйшею причиною храбрости казака была приманна добычи, и что тогда только онъ былъ отваженъ, когда вооружался, одѣвался и наживался отъ непріятеля; теперь же, когда вниманіе его обратилось на труды хозяйственные, а руки заняты воздѣлываніемъ земли, онъ душою и сердцемъ привязался къ этимъ занятіямъ, а дѣло военное ему и на мысль не приходитъ.

Но не теперь только, а давно, съ первыхъ годовъ царствованія Великаго Петра, Донская Земля совершенно успокоилась, и тревожный, воинственный бытъ народа превратился въ земледѣльческій-хозяйственный. Давно также учреждена на Дону администрація, и правительство еще въ прошломъ столѣтіи начало прилагать попеченіе объ открытіи тамъ учебныхъ заведеній. Однако это полуторавѣговое на-

(*) Авторъ говорить здѣсь о положеніи 1835 г.

правление къ гражданственности нисколько не уничтожило духа казаковъ, который, напротивъ, какъ всѣмъ извѣстно, никогда не проявлялся съ такою силою, какъ въ эпоху Отечественной войны.

Во всѣхъ родахъ военной службы производятся безпрестанныя улучшения и усовершенствованія, на основаніи требованій военной науки: полезные труды этого для всякаго очевидны. Какимъ же образомъ просвѣщеніе можетъ быть вредно для однихъ только казаковъ, тогда какъ главнѣйшее достоинство ихъ состоитъ въ смысленности, толковитости, смѣтливости? Не ясно ли, напротивъ, что развитіе умственныхъ способностей казаковъ, при повсемѣстномъ распространеніи образованности, должно имѣть благотворное вліяніе и на самую казачью службу?

Казакъ на войнѣ прежде всѣхъ знакомится съ мѣстностью, встрѣчается съ непріателемъ и входитъ въ сношеніе съ жителями театра военныхъ дѣйствій. Онъ назначается для обзоровъ мѣстности, осматриваетъ горы, рѣки, лѣса и овраги; находитъ броды, мосты и переправы; проходитъ ущелья и дефиле; онъ собираетъ свѣдѣнія о расположеніи и движеніи войскъ непріятельскихъ, обязанъ иногда опредѣлить ихъ численность, обнаруживать намѣреніе непріятеля; его обращеніе съ жителями можетъ, прежде всего, возстановить требуемыя отношенія съ мѣстнымъ населеніемъ. Очевидно, что все вышепоименованное можно гораздо лучше исполнить уму, образованному наукою.

Конечно, все это болѣе относится до офицеровъ. Въ военныхъ наукахъ вообще принято непреложнымъ правиломъ, что въ легкихъ войскахъ офицеры должны обладать основательнымъ военнымъ образованіемъ; а такъ какъ служба казачьихъ офицеровъ, въ сравненіи съ службою офицеровъ другихъ легкихъ кавалерійскихъ войскъ, еще разнообразнѣе, то и образованіе ихъ должно быть не менѣе тщательно и многосторонне (*).

Не для однихъ только казачьихъ офицеровъ, но даже и вообще для всѣхъ казаковъ полезно нѣкоторое образованіе, и если не обширное, то, по крайней мѣрѣ, знаніе грамоты и письма (**). И въ прежнее время казаки, болѣе другихъ смысленные, если не имѣли возможности учиться въ малолѣтствѣ, то старались всѣми средствами обучаться, чему было возможно, на службѣ.

(*) Тѣ же мысли высказывалъ войсковой атаманъ А. В. Иловайскій въ 1823 году, когда онъ въ представленіи военному министру Чернышеву ходатайствовалъ о дозволеніи донцамъ получать образованіе въ училищѣ коноводныхъ.

(**) Писано въ 1851 году.

Но если и дѣйствительно правда, что наклонность воинственнаго народа къ гражданственности препятствуетъ естественному развитію военныхъ качествъ, то чѣмъ же можно замѣнить это развитіе, какъ не наукой? Наука можетъ изложить всѣ, до сихъ поръ мало объясненныя, правила казачьей службы, изслѣдовать даже тѣ ея элементы, которые казались до сихъ поръ неуловимыми, и привести ихъ въ надлежащій порядокъ для спеціальнаго преподаванія юношеству.

Не менѣе того неосновательно мнѣніе, что главнѣйшимъ источникомъ храбрости казаковъ была приманка добычи, которую они въ прежнее время находили на службѣ, и что вмѣстѣ съ необходимостью обратиться къ хозяйственнымъ занятіямъ должны исчезнуть и воинскія ихъ доблести. Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы вступаться за предковъ донцовъ и утверждать, будто бы они были вовсе непричастны этимъ военнымъ приобрѣтеніямъ: въ прежнее время добыча, не только отнятая съ боя у непріятеля, но и всякая, дозволялась высшимъ начальствомъ, не запрещалась общественнымъ мнѣніемъ и голосомъ собственной совѣсти. Тогда казаки выходили на службу безъ мундировъ, одѣтые въ чѣмъ случилось, и откровенно говорили, что они идутъ: «добывать себѣ вицуну». А потому каждый казакъ, убивъ непріятеля, считалъ законнымъ правомъ снять съ него не только оружіе, но и одежду, не церемонился надѣть ее на себя и полагалъ въ этомъ особенное щегольство. Но другія времена, другія нравы! Теперь казаки, не только по строгому запрещенію начальства, но и по собственному мнѣнію, пренебрегаютъ уже этою предосудительною живою и показывають, что имъ не чужды благородныя и челоувѣколюбивыя идеи, возвышающія военное званіе. Они, пользуясь на службѣ доволъствіемъ, имъ по закону опредѣленнымъ, въ домашнемъ быту употребляютъ всѣ силы на устройство своего собственнаго благосостоянія.

Впрочемъ, справедливо ли мнѣніе, что домашніе труды и занятія непремѣнно должны ослабить нравственныя доблести? Исторія показываетъ намъ римлянъ, которые въ домашнемъ быту были примѣрные земледѣльцы—и побѣдили міръ. Обращаясь къ донцамъ, можно замѣтить, что распространяющееся благосостояніе еще сильнѣе привязываетъ ихъ къ родинѣ, заставляетъ еще выше цѣнить ея славу, обязываетъ службою своею поддерживать честь ея предъ взорами отечества, наконецъ, вливаетъ въ души благоговѣйную признательность къ виновнику процвѣтанія Дона, Великому Государю, и за животворное Его вниманіе обязываетъ весело и радостно жертвовать жизнью. Безъ сомнѣнія, эти чувствованія сильнѣе и одушевленнѣе, чѣмъ

жажда приобрѣтенія; они и прежде поощряли нашихъ предковъ гораздо болѣе, нежели невосприимчивая понятіями ихъ вѣка добыча.

О Войсковомъ Положеніи. Благословенный Александръ, Августѣйшій очевидецъ и великодушный цѣнитель усердной службы казаковъ въ незабвенныя войны Его съ Наполеономъ, задумалъ благодатную мысль, въ лучшую награду любимаго Имъ войска, упрочить для него средства къ процвѣтанію и благосостоянію и въ то же время дать ему возможность еще болѣе совершенствовать военныя свои достоинства и навсегда сохранить счастье—службою своею быть полезнымъ отечеству. Августѣйшій его преемникъ окончилъ начатое. Императоръ Николай Павловичъ, среди царственныхъ заботъ, соизволилъ посвятить много драгоценныхъ часовъ на разсмотрѣніе составленнаго для этого проекта, и въ 1835 году даровалъ войску Донскому «Положеніе». Такимъ образомъ, служеніе донскихъ казаковъ въ рядахъ русскихъ армій, начавшееся со временъ Петра I, получило окончательное образованіе въ царствованіе Государя Императора Николая Павловича.

Упроченіе Положеніемъ на Дону древняго быта казаковъ. Главное превосходство «Войскаго положенія» состоитъ въ томъ, что оно основано на бытѣ Донскаго края, образѣ жизни казаковъ, ихъ нравахъ, обычаяхъ, исторіи, мѣстности, народности войскъ и на изученіи трудно-уловимыхъ элементовъ древняго казачьяго служенія, а чрезъ то оно болѣе всего принесло существенной пользы.

Поэтому, «Войсковое Положеніе», вводя вездѣ порядокъ и благоустройство, не только не измѣнило формы внутренняго управленія станицъ, на которыхъ, преимущественно, основано было первоначальное развитіе казака, но узаконило эти обычаи. Верховное правительство сознало, что для поддержанія и утвержденія столь необходимыхъ для службы: смысла и духа казака, ему должна быть предоставлена въ домашнемъ быту нѣкоторая свобода. Оно завѣсило врожденную въ душахъ и сердцахъ казаковъ привязанность къ Государямъ и покорность ихъ державной власти; принявъ въ соображеніе религіозныя чувства и вѣрованія, ясный разумокъ и хорошія правила казаковъ, оно сознавало, что извѣстная свобода, имъ дарованная, не только не ведетъ къ безчинствамъ и своеволю, но налагаетъ на нихъ узы признательности и благоприличія. Исслѣдуя историческіе факты, правительство усмотрѣло, что и въ древнее время, когда предки донцовъ безотчетно хозяйничали на югѣ и юго-востокѣ Россіи, когда буйныя ихъ полчища лавами разливались по этому обширному пространству, они, хотя въ дѣйствіяхъ своихъ не строго стѣснялись

военною полиціею или дисциплиною, но, при первомъ словѣ Царя, покорно преклоняли буйныя свои головы. Правительство видѣло также, что и теперь всякое предписаніе и приказаніе власти высшей, отъ единственнаго источника всѣхъ властей — Самодержавнаго Монарха исходящей, исполняется ими съ полнымъ повиновеніемъ. Какіе бы ни были толки и споры о дѣлахъ общественныхъ, весь сборъ, при возгласѣ станичнаго атамана о слушаніи войсковой грамоты (*), мигомъ погружается въ безмятежное молчаніе. Наконецъ, правительство видѣло, что если бы уничтожить эти патриархальные обычаи на сборахъ, которые для непривычныхъ къ нимъ людей представляютъ иногда наружный видъ неурядицы, и лишить станичныхъ общества права самимъ обсуживать внутреннія дѣла свои и избирать своихъ станичныхъ правителей, то эта мѣра вредно бы повліяла на духъ казачій и особый складъ казачьяго военного быта, о которомъ было упомянуто выше. Казаки цѣнятъ эти дарованныя имъ права, какъ особенную милость Августѣйшаго Монарха.

Вліяніе Положенія на распространеніе на Дону образованности. Другую главнѣйшую заботу «Войскаго Положенія» составляетъ распространеніе въ войскѣ Донскомъ образованности. Отбросивъ запоздалую идею, будто бы просвѣщеніе убиваетъ казачьи способности и, напротивъ, видя въ просвѣщеніи одинъ изъ главнѣйшихъ двигателей развитія казаковъ, «Положеніе» утвердило въ Донской землѣ основанія образованности, и оказало много попеченій къ большому распространенію на Дону просвѣщенія.

Сверхъ того, почти ежегодно открываются для донскаго юношества вагансіи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ увѣичанію Высочайшихъ заботъ Своихъ, Всемилостивѣйшій Государь, въ 1847 году, явилъ особенный знакъ милостиваго Своего вниманія къ дворянству войска Донскаго, повелѣвъ учредить въ Новочеркаскѣ институтъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ.

Въ продолженіе шестнадцати лѣтъ (**) отъ введенія Высочайшаго «Положенія», войско Донское сдѣлало уже нѣкоторый шагъ на пути просвѣщенія. Военная администрація, присутственныя мѣста, артилерія, медицина, строительная часть наполняются молодыми людьми, специально приготовленными для своего рода службы. Всѣ сословія оказываютъ особенное стремленіе къ просвѣщенію. Дворянство, подавая во всемъ благородный примѣръ, употребляетъ всѣ средства для

(*) Войсковою грамотою на сборахъ называютъ всякое предписаніе высшаго начальства.

Авт.

(**) Писано въ 1851 году.

Т. CIV. Отд. I.

направленія дѣтей своихъ по путямъ, открытымъ благотворнымъ правительствомъ къ образованію; но самое лихое стремленіе къ просвѣщенію показываетъ простой народъ. Дѣти многихъ рядовыхъ казаковъ или самыхъ мелкихъ чиновниковъ, борясь съ бѣдностью и разными препятствіями, достигаютъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, откуда возвращаются прекрасно образованными людьми и проходятъ поприще службы съ особенною для него пользою.

Въ воинственномъ народѣ, гдѣ отличная служба открываетъ всякому дорогу къ возвышенію, гдѣ простой казакъ дослуживается до чина генерала, не полезнѣ ли видѣть на высококомъ мѣстѣ человѣка образованнаго? Юношѣ, съ отличными дарованіями, свойственно предпочувствовать свое призваніе; душа его способна отдѣлиться отъ тѣсноты простаго быта, его окружающаго; онъ, возносясь въ нравственный міръ, стремится приготовить себя для будущности, чтобы имѣть возможность оправдать довѣріе начальства, если оно возведетъ его на видную степень.

Вліяніе Положенія на благосостояніе края. Третьею главною заботою «Войсковаго Положенія» было развитіе на Дону повсемѣстнаго благосостоянія. Какъ собственность казака должна быть главнѣйшимъ источникомъ снабженія его для службы обмундированіемъ, вооруженіемъ и лошадей, то обращено вниманіе на доставленіе ему выгоды въ его домашнемъ быту. Надѣленіе всѣхъ станицъ равнымъ и вполне достаточнымъ количествомъ земли, дальновидное и соответственное потребностямъ жителей распределеніе поземельныхъ довольствій, такъ что зажиточные казаки всегда имѣютъ возможность распространить скотоводство, составляющее, какъ извѣстно, основу имуществва донскихъ жителей, а недостаточнымъ доставляется близость и удобство для хлѣбопашества, распространеніе и улучшеніе коннозаводства, какъ важнѣйшей принадлежности казачьей службы; развитіе повсемѣстной торговли и промышленности учрежденіемъ торговаго общества, открытіемъ многихъ новыхъ ярмарокъ и улучшеніемъ прежде бывшихъ, что для казаковъ даетъ возможность съ выгодой на мѣстѣ сбывать свои произведенія и приобретать необходимое для службы ихъ и жизни; наконецъ, устройство рыбныхъ промысловъ, поощреніе виноградарства и винодѣлія, и многіе другіе предметы, на которые устремлено вниманіе «Войсковаго Положенія», все это ясно показываетъ, сколько приложено было попеченій о средствахъ для развитія повсемѣстнаго благосостоянія въ землѣ войска Донскаго.

Сообщилъ Н. И. Красновъ.